

Центральная районная библиотека

КРАЙ ОТЕЧЕСКИЙ

ИСТОРИЯ ДВОРЯНСКОГО РОДА СЕЛА ИВАНЬКОВО

Локня
2017 год

Составитель: директор МБУК МБО Егерова Н.Н.

Редактор и ответственный за выпуск – директор МБУК МБО Егерова Н.Н.

Оформление – И.В. Шпет – заведующая информационным отделом центральной районной библиотеки

Край Отеческий. История дворянского рода села Иваньково/ [сост. директор МБУК МБО Егерова Н.Н.; ред. Егерова Н. Н.]. – Локня: Локнянская районная библиотека, 2017.

ВВЕДЕНИЕ

Унесенные временем

Иваньково знает каждый житель поселка Локня, ведь оно расположено в двух километрах от райцентра. Здесь находится один из почти разрушенных культовых памятников района — церковь Ахтырской

Божьей Матери. Ну, а тех, кто помнил Иваньково небольшим уютным поместьем, с двухэтажным каменным домом с колоннами, садом, липовыми аллеями, переходящими в хвойный парк; с

большим прудом и многочисленными хозяйственными постройками, давно уже нет на этом свете.

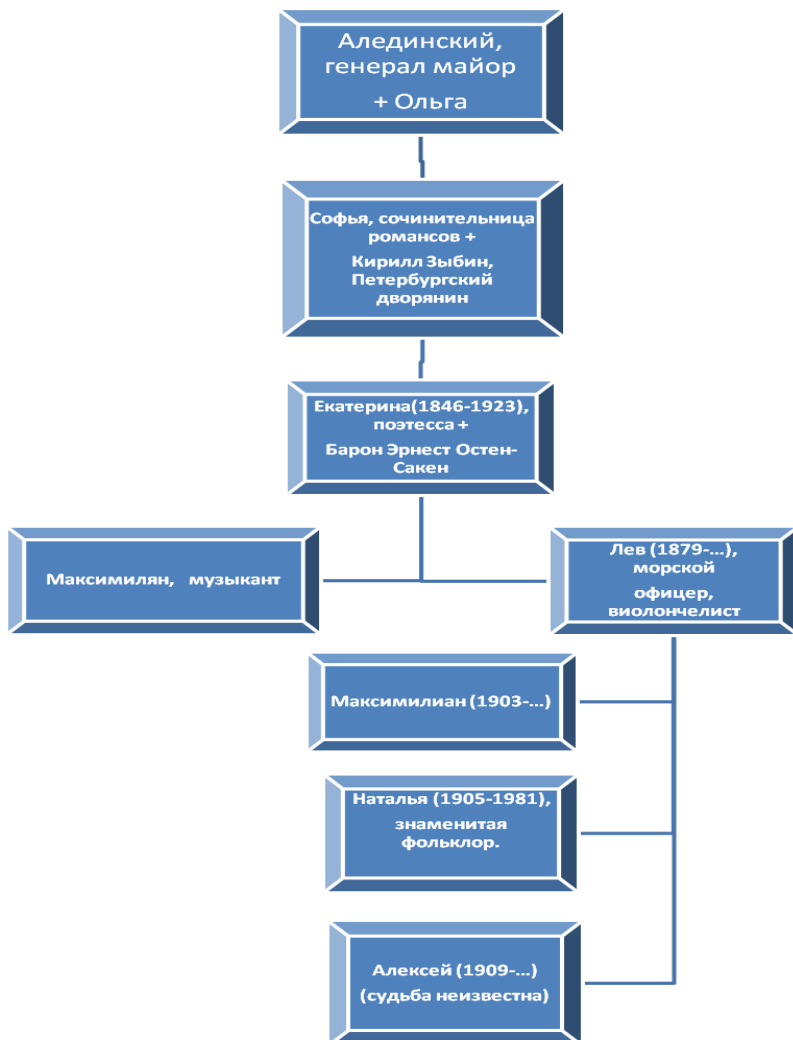
А возможность познакомиться с жизнью представителей

дворянского рода появилась благодаря Натальи Григорьевны Жиркевич-Подлесских, музыканта, педагога, лауреата Горьковской литературной премии.

Она познакомила читателей библиотеки с Екатериной Кирилловной Остен-Сакен, Софьей Александровной Зыбиной — талантливими представительницами рода, владевшего Иваньковым. А потом начались исследования, открытия новых имен этого старинного дворянского рода. По инициативе директора библиотеки, созданная рубрика на страницах газеты «Восход» - «Земля Локнянская. История в лицах», неоднократно обращалась к судьбам иваньковских помещиков, всерьез увлеченных музыкой и литературным сочинительством. Однако многие имена дворян Алединских, Зыбиных, Остен-Сакен, связанные с творчеством (например, переводчика Павла Михайловича Алединского или музыканта Ипполита Зыбина, или композитора Максимилиана Остен-Сакен), остались в тени более известных или более одаренных родственников, а иногда - просто в силу того, что жизнь их носителям была отпущена слишком короткая. Не только творческое начало было присуще разным представителям этих именитых родов, но и трогательная любовь к своему родовому имени Иванькову, одному из скромных уголков Псковской губернии.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ДВОРЯНСКОГО РОДА СЕМЬИ ОСТЕН-САКЕН

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ

Биография.ru

Вероятнее всего, когда-то эти земли, как и большинство вокруг, принадлежали роду крупных землевладельцев Карамышевых. Но нам более всего из ранних хозяев Иванькова известны Алединские, конкретно — генерал-лейтенант Александр Павлович.

Его дед был скромным переводчиком коллегии иностранных дел. Его отец Павел Михайлович (1729—1800, родился и умер в Петербурге) пошел по той же стезе: учился «на собственном коште» сначала в Академической гимназии, затем в Академическом университете, и за знание немецкого и латинского языков в 1742 г. со званием студента был зачислен «в переводческий департамент».

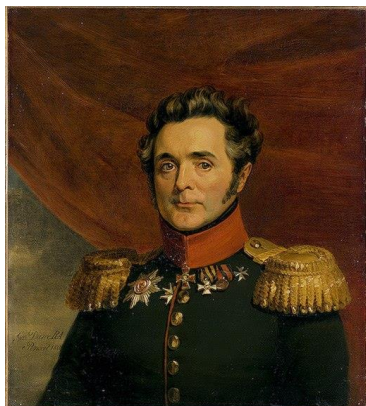
Пробыв несколько лет переводчиком при Академии Наук, перешел на службу в ведомство коллегии иностранных дел и в середине 1750-х гг. некоторое время состоял при русском посольстве в Копенгагене, в 1757—1758 годах был переводчиком в Петербурге, а в 1759 г. вновь вернулся в Данию — консулом в Гельзингер (Хельсингер), где, по-видимому, пробыл до 1763 г. С 1764 г. началась служба Алединского в

должности переводчика при Петербургской портовой таможне, продолжавшаяся до 1795 года. Здесь в 1780-е гг. он был сослуживцем А.Н. Радищева. Служебное покровительство Павлу Алединскому оказывал Э. Миних, директор Канцелярии таможенных сборов: по его ходатайству тот стал титулярным советником, затем — коллежским асессором, а в 1784 году — надворным советником. Миниху были адресованы посвящения некоторых изданий Алединского, которые представляли собой либо переводы немецких сочинений, либо были сделаны с немецкого текста-посредника.

Первым из них была книга К.-Ф. Кёппена «Grata Reroa, или Каким образом в древние времена происходило в таинственном обществе посвящение египетских жрецов» (СПб. Вестн., 1779), входившая в круг масонского чтения. Другие переводы Алединского знакомили русского читателя с современной просветительской и сентиментальной прозой. В романе «Жизнь некоторых благородных особ, несчастием гонимых» (1785; неизвестный английский автор), состоявшем из нескольких новелл, восхвалялись дружба и любовь, выдержавшие разнообразие испытания; пороку противопоставлялись добродетель и отзывчивость бедных, но благородных людей. Обилие нравоучительных эпизодов и сентенций сочеталось в романе с авантюрно-приключенческим сюжетом, отражавшим мотив превратности судьбы. Алединский перевел также французский сентиментальный эпистолярный роман Ле Пилера д'Аплиньи

«Пустынник на горе, или Приключения маркизы Лаузанны и графа Луция» (1787).

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Александр Павлович Алединский (1775—1841) (почему-то в некоторых источниках он имеет отчество Иванович, но, похоже, речь идет об одном человеке, поскольку в списках офицеров Русской Императорской армии у некоего Александра Ивановича Алединского

совпадают все основные даты его послужного списка с биографией Александра Павловича) образование получил в 1-м кадетском корпусе, откуда в 1793 году выпущен поручиком в Московский гренадерский полк.

В 1794 году, во время войны против польских повстанцев, участвовал во взятии Вильны, а в 1798 году выступил в заграничный поход с войсками, отправленными на помощь Австрии против французов.

По прибытии в Северную Италию в 1799 году участвовал, в период с 14 апреля по 12 июля, в целом ряде сражений: у Лекко, на реке Адде, при Басиньяно и Писсто, на реке По, на реках Тидоне, Треббии и Нуре; за последнее сражение пожалован орденом св. Анны 4-й степени. В том же году, 15 июня, участвовал в ночной экспедиции при крепости Тортоне, а с 4 по 12 июля находился при бомбардировании и осаде

Александрийской цитадели; за отличие в сражении при Нови награждён орденом св. Анны 2-й степени.

Затем Алединский участвовал в знаменитом переходе Суворова через Альпы, в боях 13 и 14 августа, на горе Фогельберг, при взятии штурмом Урзерна и Чёртова моста, за что пожалован орденом св. Иоанна Иерусалимского и пенсией по 300 рублей в год; наконец, 19 и 20 августа принимал участие в сражении в Муттенской долине. Из этой кампании Алединский возвратился в Россию в чине капитана.

В 1803 году Алединский, по прошению, был уволен в отставку, но в 1804 году снова принят на службу в чине майора с назначением в звание «кавалера к воспитанию» великих князей Николая (будущего императора Николая I) и Михаила Павловичей, в 1810 году произведён в подполковники с переводом в лейб-гвардии Преображенский полк и с оставлением в том же звании.

Состояя при великих князьях, Алединский с 1814 по 1823 год, сопровождал их в путешествиях за границу и по России. В 1816 году он был произведён в генерал-майоры и за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах был награждён орденом св. Георгия 4-й степени.

В 1828 году Алединский получил чин генерал-лейтенанта, и с того же времени по 1841 год исправлял должность гофмейстера при дворе великого князя Михаила Павловича. 26 сентября 1836 года ему был пожалован особый диплом на дворянское достоинство. Умер Александр Павлович 4 сентября 1841 года в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском

православном кладбище. Там же покоятся несколько Алединских. Например, сестра Александра Павловича — Анна (1761–1823), фрейлина любимой сестры Александра I Екатерины Павловны.

Известен факт, что Кабинет Его Величества в начале 1809 года приобрел в казну заново отделанный дом на Английской набережной (дом Брискорн) со всем имуществом и картинами лучших мастеров, среди которых – Тициан, Ван Дейк, Рени, Рембрандт, за 95 тыс. рублей, который по именному указу подарен фрейлине Анне Павловне Алединской «за усердие и труд ... при воспитании» великой княжны Екатерины Павловны, которую Пушкин называл «женщиной с умом необыкновенно возвышенным».

Там же покоится прах другой сестры Александра Павловича - Натальи Павловны Алединской (в замужестве де Прерадович), выпускницы Смольного института благородных девиц, матери декабриста Николая де Прерадовича.

ДЕТИ АЛЕДИНСКИХ

Александр Павлович был женат на русской баронессе немецкого происхождения Анне Розине (Анне Ивановне) Дольст (1788 — 1841), фрейлине при дворе Павла I, одной из воспитательниц Великих княжон.

У четы Алединских было несколько детей. Павел (ок. 1804 — 1875) дослужился до генерал-лейтенанта и во время Восточной войны командовал всей казачьей артиллерией действующей в Крыму армии. Другой

сын, Николай (1813-1868), находился на гражданской службе и пиком его карьеры стал чин тайного советника. Похоронены оба на Смоленском кладбище.

О Михаиле Александровиче (1820-1839) ничего не известно, кроме того, что умер рано и похоронен в Троице-Сергиевой Приморской пустыни, где покоится много представителей знатных и родовитых семей.

Дочери Ольга (1806-1873) и Екатерина (1809—1828) до замужества были фрейлинами великой княгини Елены Павловны.

Екатерина Алединская в 1827 году вышла замуж за полковника лейб-гвардии Гусарского полка, адъютанта великого князя Михаила Павловича, Павла Александровича Нащокина и умерла в возрасте 19 лет при родах вместе с ребёнком. Похоронена, как и многие Алединские, на Смоленском кладбище.

Интерес к музыке в большей степени проявился у двух других дочерей Александра Павловича — Ольги и Софьи.

Так, Ольга, жена Александра Григорьевича Демидова, в 1862 г. предоставила флигель своего дома на Мойке по инициативе А.Г. Рубинштейна для первой в России консерватории при Русском музыкальном обществе. Ее сын Григорий Александрович Демидов - то есть племянник Софьи Александровны Зыбиной, который с детства любил музыку и в семь лет уже играл на фортепиано, а после выхода в отставку с военной службы несколько лет изучал теорию музыки в Лейпциге, стал инспектором консерватории. Известный композитор А.С. Даргомыжский признавал

за ним "несомненный талант, полный самостоятельного вдохновения и чуждый рутины". Сочинял преимущественно романсы и марши. Григорий Александрович был также патроном почетного знака демидовской премии за содействие развитию музыкальной культуры и поддержку талантов.

СОФЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Считается, что большая часть детства Софьи Александровны Алединской (ок. 1820-1897) прошла в родовой усадьбе Иваньково. Выйдя замуж за дворянина Псковской губернии, она стала Зыбиной и под этой фамилией была хорошо известна в великосветских

кругах середины XIX века.

Светская любительница музыки, автор вокальных и фортепьянных пьес, незаурядная сочинительница романсов, обладательница сильного, красивого голоса, артистического дарования, Софья Александровна была блестящей пианисткой. Она даже брала уроки у М.И. Глинки.

В ее дамский альбом, которые были столь популярны в 19 веке, Глинка записал романс «Pour un moment» на стихи С. Голицына. Ее альбом, хранящийся в

Пушкинском Доме, отнесен к разряду "артистических", то есть принадлежащих профессиональным артистам, не случайно: в 1842 г. Софья Зыбина выступала в роли Вани в опере Глинки «Иван Сусанин»; сразу же после спектакля Глинка сделал в ее альбоме нотную запись. В этом альбоме имеются многочисленные шаржи на Глинку, сделанные известным карикатуристом и поэтом Николаем Степановым, нотные записи, рисунки и небольшое число литературных текстов (преимущественно копии пушкинских стихов — «Романс», «Слеза», «Зимний вечер»).

По некоторым рисункам в альбоме С.А. Зыбиной можно предположить, что в ее доме бывали видные деятели культуры того времени, среди которых - Ф.И. Тютчев, А.Н. Апухтин, А.Н. Яхонтов, Великий князь Константин Романов.

В один из последних приездов в Петербург (1842, 1843 или 1847 год) Ф. Лист посетил дом Зыбиной и играл «на клавишах старого Вирта», о чем позже вспоминала ее дочь баронесса Остен-Сакен.

В Петербурге М. Бернард издал два сборника романсов С.А. Зыбиной — в 1861 и 1862 годах.

По воспоминаниям поэта и музыканта, творившего под псевдонимом Барон, «Софья Александровна Зыбина была отличная и даровитая музыкантша. Прелестные сочинения, написанные ею для фортепиано и для пения, отличаются глубиной замысла и изяществом мыслей...».

Зыбина принадлежит к категории так называемых «композиторов-дилетантов», которые сформировались

в светских музыкальных кружках и занимались музыкой на профессиональном уровне, но ради собственного удовольствия.

КИРИЛЛ АФАНАСЬЕВИЧ

Нужно сказать, что муж Алединской Софьи Александровны — Кирилл Афанасьевич Зыбин, имевший чин генерал-майора императорской армии с 1859 г., генерал-лейтенанта - с 1868 года, также был известен современникам как талантливый композитор. Происходил он из русского дворянского рода, внесенного в VI часть родословной книги Воронежской, Калужской, Курской, Московской, Нижегородской и Тульской губерний.

Отец — Афанасий Васильевич Зыбин, тульский дворянин, принадлежал к 16 колену рода. Мать — Екатерина Ивановна, в девичестве — Рибопьер (дед — фр. дворянин, друг Вольтера — Марк Стефан де Рибопьер. В конце 1770-х гг. приехал в Россию, стал адъютантом Потемкина).

Кроме Кирилла, Афанасий и Екатерина Зыбины имели и других сыновей. Старший — Ипполит (ок. 1820 — 1893 г.), офицер лейб-гвардии Кирасирского полка, был женат на княжне Софье Давыдовне Абамелек. Младший, Владимир, выпускник Николаевского кавалерийского училища, вышел в отставку полковником конного полка, имел чин действительного статского советника, в Памятных

книжках Псковской губернии в 60-х годах упоминается как председатель Великолукского окружного суда.

Кирилл Афанасьевич, в бытность корнет лейб-гвардии кирасирского полка, был сослуживцем Льва Николаевича Толстого. Вообще оба брата, Кирилл и Ипполит, приятельствовали с известным писателем, о чем существует ряд документальных свидетельств. Как и Кирилл Афанасьевич, Ипполит был одаренным человеком, музыкантом-виолончелистом. Н.Н. Гусев в своей книге «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год» (изд-во Академии наук СССР, 1954 г.) пишет: «Кроме Дьякова, в Казани у Толстого был еще друг, к которому он чувствовал такую же страстную привязанность, как и к Дьякову, — некто Зыбин.

Были два брата Зыбины — Ипполит Афанасьевич и Кирилл Афанасьевич, дальние родственники Толстых по Волконским; оба были порядочные музыканты (Кирилл Афанасьевич был также и композитором), и Толстого сблизжал с ними прежде всего интерес к музыке. Он «с шестнадцати лет начал серьезно заниматься наукой музыки». Со свойственным ему во всем, что он делал, увлечением, он упорно стремился овладеть техникой игры на фортепиано, для чего ему прежде всего нужно было «выломать свои толстые пальцы», на что он «употребил месяца два такого усердия, что даже за обедом на коленке и в постеле на подушке» он «работал непокорным безымянным пальцем». В Казани Толстой начал учиться играть на флейте, хотя не пошел далеко в этом искусстве.

Вместе с одним из Зыбиных Толстой написал вальс, который иногда сам играл. Так, 10 или 11 февраля 1906 года Толстой в Ясной Поляне сыграл этот вальс, который был тут же записан С.И. Танеевым и А.Б. Гольденвейзером. Какая доля участия в написании этого вальса принадлежит Толстому — установить невозможно. Иногда он даже склонен был утверждать, что не принимал никакого участия в этой композиции. Так, в октябре 1909 года в порыве самобичевания Толстой записал в своей записной книжке: «Вальс, считающийся моим, не мой. Я давно солгал, выдав Зыбинский вальс за свой, и потом уже без стыда не мог признаться». Надо думать, однако, что какая-то доля участия в написании этого вальса Толстому принадлежала. Участие это могло выразиться в том, что он насвистал мелодию, или взял несколько аккордов к ней, или что-нибудь в этом роде.

В архиве Толстого сохранились два письма к нему Ипполита Зыбина, относящиеся к 1887 году. Обращаясь к Толстому на «ты» и называя его «любезный друг Лев Николаевич», Зыбин тепло вспоминает их молодость и казанскую жизнь. «Сколько лет прошло, — писал он, — что мы не виделись с тобою, но я не забыл и никогда не забуду наше житье в Казани. Сколько теплых и веселых воспоминаний!.. Помнишь, сколько вранья-то было: играли и смеялись, хохотали...». «Я помню, — писал далее Зыбин, — ты имел большие способности к музыке. Как сейчас помню, ты исполнял на фортепиано прекрасную вещь Prince Louis de Prusse».

Заканчивая письмо, Зыбин просил разрешения по пути в свое имение заехать в Ясную Поляну: «Какой бы для меня был праздник, — прибавлял он, — обнять тебя». Из следующего письма Зыбина — от 21 ноября того же 1887 года — видно, что свое намерение побывать в Ясной Поляне он исполнил.

Зыбины упоминаются в переписке и в биографических материалах Тургенева (прародительница писателя - из этой фамилии)».

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВИЧ

Дети Зыбиных унаследовали не только имение Иваново, но и таланты своих родителей, став, в разной степени, продолжателями творческих традиций семьи. Сына Александра (около 1840 г.р. - ум. после 1912 г.) также называли композитором-дилетантом. Мы помним, что этот термин в данном случае не означает поверхность и непрофессионализм. В архивных фондах, среди писем к Зыбину от многих известных современников хранятся статьи о спектаклях, концертах с его участием, программы спектаклей, концертов.

Эти занятия он успешно совмещал с государственной службой: носил чин камер-юнкера, служил чиновником Его Императорского Величества канцелярии, состоял членом Петербургского мужского благотворительного тюремного комитета.

Александр Кириллович упоминается в документах Псковской епархии в связи с посещением 26 мая 1895

года Ахтыро-Богородицкой церкви в Иванькове епископом Псковским и Порховским Антонином. Александр Кириллович был в числе благотворителей церкви. Побывав в Иваньковской церковно-приходской школе, епископ выразил признательность попечителю школы помещику, камер-юнкеру Его Императорского Величества Александру Кирилловичу Зыбину.

ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВНА

Поскольку отец Кирилл Афанасьевич был военным, первые воспоминания Екатерины Кирилловны о детских годах были связаны с неустроенной кочевой жизнью. Но мать рано приобщила ее к миру прекрасного и ввела в круг выдающихся, талантливых людей своего времени.

Стихотворения Екатерины Кирилловны (1845-1923) публиковались в журналах «Задуманное слово», «Русский вестник», «Вестник Европы». Отдельными изданиями вышли сборники «Напевы и настроения» (1902); «Поэма детства» (1915). Переведенная с французского языка пьеса А. Терье «Жан-Мари» в 1899 г. была поставлена на сцене Александринского театра с В.Ф. Комиссаржевской в главной роли. Из стихотворений Зыбиной в свое время

пользовался успехом романс "Льет ливмя дождь, несутся тучи...".

На тетради Е.К. Зыбиной в одном из последних своих стихотворений Ф.И. Тютчев написал светский комплимент о ее творчестве:

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, —
О, этот мир, так молодо-прекрасный, —
Он сто́ит тысячи миров.

Классик русский поэзии и дипломат Федор Тютчев был знаком и поддерживал приятельские отношения с баронессой в конце 1860-х — начале 1870-х гг., сохранилось пять писем поэта к ней.

Еще одна грань таланта Зыбиной (в замужестве баронессы Остен-Сакен) — музыкальная. Известно около 25 имен женщин-композиторов в России 19 века, и среди них — Екатерина Кирилловна. В 1880 году в Петербурге в типографии Ф.Т. Стелловского вышел в свет сборник романсов и песен сочинительницы. Известно, что Е.К. Зыбина, к тому же незаурядная пианистка, со своими сочинениями выступала в Петербурге в музыкальной гостиной Елены Карловны Богдановой.

Известный поэт Алексей Апухтин на одном из музыкальных вечеров у С.Я. Веригиной, заслушавшись мать и дочь Зыбиных, исполнявших романсы, экспромтом написал стихотворение "Два голоса", посвященное им и впоследствии без малейшей

поправки вошедшее в его сборник, которое было положено на музыку Д. Зерновым.

Два голоса

Посвящается С. А. и Е. К. З[ыби]ным

Два голоса, прелестью тихой полны,
Носились над шумом салонным,
И две уж давно не звучавших струны
Им вторили в сердце смущенном.
И матери голос раздумьем звучал
Про счастье, давно прожитое,
Про жизненный путь между мелей и скал,
Про тихую радость покоя.
И дочери голос надеждой звучал
Про силу людского участия,
Про блеск оживленных, сияющих зал,
Про жажду безвестного счастья.
Казалось, что, в небе лазурном горя,
С прекрасной вечерней зарею
Сливается пышная утра заря,—
И блещут одной красотою.

По отцу Екатерина Кирилловна приходилась троюродной сестрой Николаю Лодыженскому, дипломату и композитору, члену музыкального содружества «Могучая кучка». Его связывала дружба и сотрудничество с известнейшими композиторами Римским-Корсаковым, Бородиным, Даргомыжским, музыкальным критиком Стасовым.

Жизнь Е.К. Остен-Сакен, как и многих ее современников, проходила в городе (Петербург, Вильна) и родовом деревенском поместье. Иваньково для Екатерины Кирилловны значило больше, чем просто место обитания. «Мое милое Иваньково» - так отзывалась о своем поместье, в котором все поколения жили богатой духовной жизнью, его хозяйка. С детских лет ее память сохранила поездки «в угодыя Псковские», «в родную глушь, в тот самый серый дом, где ночью начала я до рассвета строчить октавы». Направляясь из Петербурга в свое родовое поместье, Екатерина Кирилловна не упускала возможности заехать в Святые Горы, поклониться могиле А.С. Пушкина. В ее стихотворении «Ты знаешь край, наш край благословенный» есть строки:

«Ты знаешь край, где темные узоры
Густых лесов заткали кругозор;
Где Пушкин спит... Над ним Святые Горы,
Мечту певца, лелея с ранних пор,
И прах его хранят, упокоенный.
Залог любви и песни вдохновенной».

ЭРНЕСТ РУДОЛЬФОВИЧ

Осенью 1874 года Екатерина Кирилловна вышла замуж за Альфонса Эрнеста Рудольфовича Остен-Сакена (1846-1911), который в то время был помощником военного прокурора Киевского военного округа, позже уехала за ним в Вильно, где с 1883 года он занимал пост главного военного прокурора Виленского военного суда. В дальнейшем Остен-Сакен - генерал от инфантерии, в 1892 г. - военный прокурор Петербургского военно-окружного суда, с 1894 г. - председатель Петербургского военно-окружного суда, в 1908-1911 годах - Главный военный прокурор России и начальник Главного военно-судебного управления.

Сельцо Иваньково Михайловской волости, 397 десятин, барон получил в приданое за своей женой Екатериной Кирилловной и периодически навещался сюда с семейством.

В архивах Великолукского уезда есть упоминание о «пришлом» помещике Остен-Сакене. Дело в том, что великолучане всегда мечтали превратить Ловать в судоходную реку и четыре раза - в 1897, 1905, 1906 и 1910 годах - обращались в министерство путей сообщения с просьбой расчистить русло Ловати до Виндавского моста. Проталкивать этот сложный вопрос через чиновничьи заторы в министерствах Земское собрание уполномочило барона Эрнеста Рудольфовича Остен-Сакена, имевшего связи в высоких кругах. Возможно, если бы не война 1914 года, то удалось бы добиться расчистки русла Ловати и в Великих Луках.

У Екатерины Кирилловны и Эрнеста Рудольфовича родилось двое сыновей - Максимилиан (1876-1900) и Лев (1879-1938), которым также передалась музыкальная одаренность семьи.

В 1995 году исследователь творчества Е.К. Зыбиной Наталья Григорьевна Жиркевич-Подлесских, чей дед состоял в переписке с Екатериной Кирилловной, переслала выдержки из нескольких писем владелицы Иванькова. Какие-то из них опубликованы в ее книге «По Пскову-то сам Пушкин мне земляк...». Они многое объясняют в особом отношении к псковскому имению, друг к другу членов семьи, приоткрывая их воззрения на время, жизнь и чувства.

19 августа 1895 г.

Иваньково

...Я все более и более привязываюсь к Иванькову. Этот старый, большой дом, набожно охраненный в величайшем порядке — один стоит среди развалин всех окружающих помещичьих усадеб. Несмотря на то, что за последние шесть лет брат мой много ввел сюда парижского, новомодного, ненужного — характер старины не утратился, можно проследить вкус поколений с 24 года, когда дом был построен. Теперь толкуют усиленно о железной дороге, имеющей захватить наш край; в 10 верстах от нас предполагается станция, и это будет через четыре года... С ужасом думаю об этом. Наплыв пошлости неизбежно ворвется сюда: и велосипеды, и курсистки, и винт, и дачные типы, и фабричный малый — вместо мужичка, и модница-попадья вместо нашей рыхлой,

приятной, повязанной платочком Марьи Павловны!.. Мне все это гадко заранее. А теперь? Дни за днями текут в ясном покое. Лева ходит с ружьем, пропадает один от обеда до вечерней зари, приносит домой дупелей и уток, грызет яблоки-корбовки без перерыва, а по вечерам заливается слезами над Эпилогом Дворянского гнезда; мать играет в сумерки Е-мольный Скерцо Шопена, или я с нею пою ее романсы, забытые романсы Глинки, или пишем нашу оперу!

В работах наших, рукодельях наших тоже есть творчество, следовательно — наслаждение: узоры составляет мне мать, а я вышиваю их, занимаюсь с Тимошей, 13-летним мальчиком, которого беру к себе на службу, - заставляю иметь такие афоризмы: слуга служит барину, барин — Царю, Царь и все — Богу! Живется хорошо...».

24 июня 1896 г.

Иваньково

«...Мы на три месяца водворены посреди деревенского благодушия и изобилия плодов земных (теперь земляника, начиная от полевого «мужичка-красного колпачка» - до чудовищных сортов садовых, культурных форм). Три месяца покоя, созерцания и благодарственных псалмов! Муж пьет Карлсбад и шагает в серой блузе по садам и окрестным полям. Макс, живя отдельно, с инструментом, пишет целыми днями в этом обществе старого Вирта, на клавишах которого, в далеком прошлом, и Лист, и Гензелът, и Рубинштейн, и столько поющих душ изливали свои вдохновения!...

Макс, сам поющая душа, мало и худо приспособленная ко гражданскому действию жизни, запоем пишет и наслаждается при открытых окнах в яблочные сады, где пчелы в ульях жужжат ему упорно — усыпительный мотив свой, мотив о труде настойчивом, сулящем в будущем столько сладкого, душистого меду!

Я теперь много шью тонкого белья, умудряясь в метках гладью и находя в этой работе большое наслаждение, даже некоторое творчество... По вечерам вместе все музицируем с новым великолепным инструментом, только что приобретенным в Петербурге. Ждем Леву в половине июля из плавания: он берет отпуск и проживет здесь до сентября, если удастся...».

Необыкновенная дружба связывала Екатерину Кирилловну с Софьей Александровной, которую она называла не иначе, как «моя гениальная мать». Когда в 1897 году Софья Александровна скончалась, ее дочь написала: «Теперь уже скоро полгода, как нет на свете моей обожаемой матери; но я нахожусь все еще в положении здорового растения, которому бы отрубили половину корня... Зеленые ветки, цветущие отпрыски, - семья моя, - жива на моем стволе; но, повторяю, самый корень наполовину умер, я это чувствую, все более и более с течением времени».

«27 мая 1907 г.

...Что Вы скажете про ужасы, обступившие жизнь на святой Руси?... Да, Вы правы: слава Богу, что нет в живых наших стариков!... Я же настолько сливалась душой со старшим поколением, так искренно жила их

верованиями, их идеалами, что скорблю над родиной так же глубоко и страстно, как и они бы скорбели...

Только здесь, в моем Иванькове было сливается с настоящим для меня... Душа расширяет свой полет, в каком-то мистическом восторге, вне времени и вне пространства... Весеннее торжество поет и блещет по-прежнему, море сирени в полном цвету, соловьи заливаются, каждое дерево говорит о былом, о незабываемом, о вечном!...».

«3 ноября 1909 г.

...Нынче осенью приготовила сюрприз для Лёвы (и даже муж ничего не знает) — возобновила, т. е. вырыла снова запущенный еще при деде проточный пруд в саду, на свой страх и счет. Зато какая прелесть это озерко (20 саж. ширины и более 40 саж. длины). Его наполняет вечно журчащий ручей и с плотины падает водопадом саженым. Кругом старые, могучие клены, дубы, березы, вязы и пирамидоидальный тополь, посаженный еще моею Матерью...».

В отличие от Екатерины Кирилловны, дожившей до преклонных лет и похороненной в 1923 году на

сельском кладбище Иванькова, рядом с могилами матери и отца, судьба не была милостива к ее потомкам, лишив их возможности прожить долгую жизнь и тихо покинуть ее в кругу семьи, учеников и поклонников.

МАКСИМИЛИАН ЭРНЕСТОВИЧ

По мнению современников, из всей семьи Максимилиан обладал самыми значительными способностями. Еще обучаясь в Царскосельской Императорской Николаевской гимназии, в которой очень сильны были музыкальные и театральные традиции, он принимал участие в музыкальных вечерах и спектаклях. Например, в **1894** году хор гимназии принял участие в музыкальном вечере в ратуше. Исполнялись «Торжественный хор» из оперы «Семирамида» Россини с сопровождением оркестра и сочинение воспитанника гимназии барона Остен-Сакена «Птичка», на слова Фета.

Позже Максимилиан учился в Петербургском университете и одновременно в консерватории. Вот как об этом писала Екатерина Кирилловна: «...Он на втором курсе факультета естественных наук; но карьера его уже решена: он музыкальный композитор. Его творения: квартеты, симфонии, сюиты, романсы уже теперь приводят в изумление музыкальный мир».

Максимилиан был другом юности известного композитора И.Ф. Стравинского.

Из переписки Игоря Стравинского, Петербург, 22 апреля [4 мая] 1899 года:

«Дорогой Максимилиан Эрнестович!

Давно хотел попросить Вас написать мне, хоть несколько слов о Вашем здоровье; не имея возможности вследствие экзаменационных занятий быть у Ваших и спросить о Вашем здоровье и, желая

немного поболтать с Вами письменно, я сел за письмо. Главным образом, я попрошу Вас написать, хоть несколько слов о Вашем здоровье.

Хочу Вам немного рассказать о Никише. Этот Никиш стал Никишем в квадрате против прошлогоднего Никиша. Это феномен-дирижер. Он дирижировал (из крупных вещей) Пятой симфонией Чайковского, Второй симфонией Шумана и Пятой симфонией Бетховена. Он так провел Вторую симфонию Шумана, что она стала теперь, кажется, моей любимой симфонией. Вообще говоря, от всех вещей, проведенных им, я остался в неопишемом восторге. Жалею очень, что не могу подробнее все это Вам описать, так как времени у меня слишком мало, но надеюсь с Вами поговорить об этом в скором времени. Что касается до сочинений, то я их отложил на лето, так как теперь совсем нет времени. В будущем году у меня в проекте уроки теории у Черепнина, которого, говорят, Н. А. Римский-Корсаков всем рекомендует.

Пока, до свидания, дорогой Максимилиан Эрнестович, желаю Вам от всей души скорее поправляться и в скором времени с Вами увидеться. Вам всей душой преданный Игорь Стравинский».

Стравинский не зря беспокоился о здоровье приятеля — в следующем году в возрасте 24-х лет тот умер от скоротечной чахотки.

ЛЕВ ЭРНЕСТОВИЧ

Младший сын Е.К. Остен-Сакен - Лев - окончил Морской кадетский корпус, был капитаном 1 ранга. Талантливый виолончелист, учившийся у знаменитого И. И. Зейферта, и скрипач, одно время он проходил службу на яхте, принадлежавшей Николаю II, и принимал участие в музыкальных вечерах царской семьи. В конце концов, подав в отставку, полностью посвятил себя музыкальному творчеству. В своей книге «Нечистая сила» В. Пикуль рисует такую картинку: «Николай II покалывал по утрам дровишки. По аллеям парка возил в кресле-коляске жену, катался на байдарке. В его покоях два музыкальных

моряка играли сонату Моцарта: лейтенант Остен-Сакен терзал виолончель, а мичман Волков нежно трогал клавиши рояля. Россия, осыпанная теплыми дождями, вздрагивая от ночных гроз, жила за стенами дворца какой-то особой и чужой для них жизнью».

Эта жизнь очень скоро ворвется в мир Остен-Сакена и всей его семьи, произведя в ней катастрофические перемены. И все же, несмотря ни на что, до конца своих дней последний владелец Иванькова будет предан музыке.

Лев Эрнестович Остен-Сакен родился в г. Вильно (ныне Вильнюс). С 1892 года учился в Морском кадетском корпусе (С.-Петербург), одновременно брал уроки игры на виолончели. Приезжая в Иваньково, Лев с удовольствием проводил время на барском пруду. 26 мая 1893 года Екатерина Кирилловна пишет: «...Лева мой успел соорудить на большом пруду бриг, по всем правилам морским оснащенный тремя парусами, рулем и командой, состоящей из 4-х мальчишек в матросском платье, набранных из окрестных деревень. Русский флаг, наш герб и громкое название «Зыбь» украшают это сооружение, весьма красиво плывущее на темном фоне елей, под голубым небом — прямо против моих окон. Лева счастлив, весь в веснушках, загорел — и занимается только два часа в день со мною: английским, немецким, французским и музыкой. Так прогуляем до сентября...».

В 1894 г. Лев проходил свою первую морскую практику. Из письма Екатерины Кирилловны: «...светлая встреча с моим матросиком озарила всю нашу семейную жизнь живым лучом радости; он страшно загорел, перерос меня и окреп здоровьем. Наклонность к морскому делу успела обратиться в страсть; он привез здравый и интересный дневник своих впечатлений в море. В этом дневнике мне, как

христианке, отрадно видеть глубокую веру и непоколебимый нравственный идеал...».

В 1895–1918 Лев служил в военном флоте. Решив посвятить себя музыке, в 1910 г. перевёлся в береговой состав Морского ведомства и был назначен заведующим Морской музыкальной школой в С.-Петербурге. С 1915 г. учился на старших курсах

С.-Петербургской консерватории (класс профессора Л. Аббiate). В 1916 г. командирован в распоряжение штаба командующего Балтийским флотом в Гельсингфорс (Хельсинки).

НАТАЛЬЯ ЛЬВОВНА

Последняя продолжительница дворянского рода Остен – Сакен, внучка екатерины Кирилловны, дочь Льва и Варвары Бирилевой - Наталия Львовна (1906-1981). По воспоминаниям местных жителей она была очень красивая, с длинными золотыми волосами, заткнутыми за пояс.

В этой внучке последний раз проявилась музыкальная одаренность рода Остен – Сакен. Судьба распорядилась так, что она вынуждена была скрывать

свою истинную фамилию и вступив в фиктивный брак, она стала Котиковой. Наталья Львовна, вынужденная скрывать свое происхождение, нигде и никогда не упоминала о своей родословной и о родственных связях. Только несколько родных сердцу вещей, оставшиеся от дорогих ей людей, она бережно хранила: корабельные часы – именной подарок барону Остен – Сакен, деду Натальи Львовны и его фотография. Под фамилией Котикова, Наталья Львовна, заняла достойное место в плеяде видных советских фольклористов.

Наталья Львовна, была яркой и деятельной фигурой: музыкальный педагог, истинный подвижник в деле собирания народных песен, автор сборников Псковского фольклора и обработок народных песен. Она была в очень хороших отношениях с Д.Д. Шостаковичем и Е.М. Мравинским. Наталья Львовна была настоящим русским интеллигентом: одаренной личностью и очень скромным, простым человеком. Одна из современниц вспоминала: «У нас в Союзе композиторов была очень известная фольклористка, Наталья Львовна Котикова, урожденная графиня Остен – Сакен. Она много ездила в экспедиции. Как все настоящие аристократы, она была непринужденна, свободна в обращении и скромна. Наши ее очень любили всей компанией, я тоже успела с ней хорошо познакомиться, и до сих мы вспоминаем о ней очень тепло.»

Окончив в 1931 году Ленинградскую консерваторию как музыковед, она в 1933—1937 годах работала массовиком в Театре оперы и балета в Свердловске.

Затем до 1970 года преподавала в детских музыкальных школах Ленинграда. В 1941—1942 годах заведовала учебной частью Музыкального училища им. М. Мусоргского в Ленинграде, пережила блокаду. В 1947—1949 годах была художественным руководителем музыкального отдела Ленгосэстрады. Будучи преподавателем по фольклору, она старалась выезжать в экспедиции поближе к своей малой родине, чтобы хотя бы душой соприкоснуться с тем, что осталось от их родового имения Иваньково. Часто экспедиции проходили в Бежаницком, Локнянском, Пушкиногорском и Новоржевских районах. На Псковской земле ею записаны выдающиеся музыканты – инструменталисты: гармонист А.И. Ильин, гуслиар Ф.С. Степанов, жалеечник Ф.И. Белов, скрипач Д.Т. Жбанков.

Н.Л. Котикова является автором статей по вопросам развития фольклора, о ленинградских музыкантах, составителем фольклорных сборников "Русские частушки" (1956), "Русские частушки, припевки, страдания" (1961), "Гдовская старина" (1962), "Псковские народные песни" (1966). Она автор учебных пособий по сольфеджио

для детских музыкальных школ, в которые вводила народно песенный материал, воспитывая в детях любовь к народной песне, ее богатому интонационному языку. Она помогла раскрыть свои дарования многим современным музыкантам-фольклористам, музыковедам, композиторам.

Конечно, имея прекрасное образование, она смогла бы уехать за границу, но русская душа тянулась ко всему русскому. В своем сборнике «Песня – душа народа» она пишет: «Любовь к своей стране неотделима от созидательного труда народа. Она выражается в том, что человек, не покладая рук, трудится на благо Отчизны, не щадя жизни защищает Родину в годы тяжелых испытаний, в том, что он любит родную природу, с красотой ее необъятных просторов, гордится героическим прошлым и настоящим своего народа, восхищается замечательными произведениями его искусства».

Наталья Львовна любила Псковщину и как профессионал сделала для своего родного края очень много. Каждый открывающий ее сборники или слушающий пластинки с записями голосов из прошлого вновь возвращает уголку локнянской земли самобытность его забытых талантов.

Такая вот интересная и трагическая история у одной из талантливейших русских фамилий, действующим героем которой вполне можно назвать и село Иваньково.

ПОСЛЕДНИЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ ИВАНЬКОВА

Лев Эрнестович был женат на Варваре Бирилевой (р.1877), дочери адмирала Алексея Алексеевича Бирилёва – командира Кронштадтского порта, главнокомандующего Балтийского флота в 1904 г., первого морского министра с 1905 г. и члена Государственного Совета в 1905 – 1914 гг. Остен-Сакены воспитывали троих детей — Максимилиана, Алексея и Наталью.

После революции, спасаясь от голода, семья переехала в свое Иваньковское имение. Лев Эрнестович занимался земледелием и одновременно служил контролёром на станции Локня.

В 1921 году Льва Эрнестовича арестовали и приговорили к расстрелу, но потом пересмотрели дело и заключили в концлагерь в Пскове «за оказание сопротивления при конфискации имущества».

Это дело в 1991 году было пересмотрено, а его фигуранты - реабилитированы. Конечно, никто из них и их потомков до этого решения не дожил. В «Псковских хрониках» за 2002 г. приводится следующий документ:

«УТВЕРЖДАЮ

Прокурор Псковской области старший советник юстиции Н.Н.Лепихин 13 марта 2001 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по архивному уголовному делу № С-14302

9 июня 1921 г. постановлением коллегии Псковской губернской чрезвычайной комиссии без ссылки на

закон репрессированы по политическим мотивам и социальным признакам:

Остен-Сакен Лев Эрнестович, 1879 года рождения, уроженец им. Ивановско Михайловской волости Великолукского уезда (на самом деле место рождения, проживал в г. Петрограде, дворянин-барон, русский, морской офицер — капитан 1-го ранга, капитаном царской яхты «Полярная Звезда» и других должностях, арестован 11 января 1921 года, перед арестом служил инспектором рабоче-крестьянской инспекции Северо-Западных железных дорог, жил в имении Ивановско. На иждивении имел трех несовершеннолетних детей.

Признан виновным «в злостной контрреволюционной деятельности, выразившейся в тонкой агитации среди крестьян о несущественности идей Советской власти, является самым активным сторонником монархизма».

Мера наказания ему была определена - расстрел.

Постановлением Президиума ВЧК от 2 июля 1921 г. эта мера наказания заменена «на 2 года заключения в лагерь».

Его жена — Остен-Сакен Варвара Алексеевна, 1883 года рождения, уроженка г. Кронштадта, дворянка-баронесса, дочь морского министра Бирилева, русская, образование высшее (словесный факультет), сестра милосердия, политические убеждения — «в партии толстовцев», арестована 8 января 1921 г., перед арестом проживала в имении Ивановско, постоянно — в г. Петрограде, на иждивении трое несовершеннолетних детей.

Признана виновной «в контрреволюционном заговоре, с целью свергнуть Советскую власть».

Мера наказания ей определена «с учетом не столь злостных выявленных деяний подвергнуть заключению в концлагерь на 5 лет».

Коллегией губЧК от 24 августа 1921 г. это наказание снижено до «полтора года концлагерей».

Их старший сын — Остен-Сакен Максимильян Львович, 1903 года рождения (17 лет), уроженец и житель г. Петрограда, дворянин, русский, учащийся подготовительного курса политехнического института, проживал с родителями, арестован 12 января 1921 г., освобожден под подписку о невыезде из им. Ивановково 28 февраля 1921 г.

Признан виновным «в контрреволюции, но ввиду отсутствия конкретных обвинительных данных от наказания освободить».

Из материалов уголовного дела усматривается, что все обвиняемые никаких практических действий против советской власти и в отношении граждан не совершали. Супруги Остен-Сакен в разговорах выражали свое недовольство изъятием у них собственности и лишением привилегий, что в какой-то мере можно расценить как формальные признаки антисоветской агитации, которая в настоящее время Законом РФ признается не содержащим общественной опасности деянием, а репрессированные за нее лица подлежат реабилитации.

С учетом изложенного и в соответствии с п. «б» ст. 3, п. «а» ст. 5 Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» ОСТЕНА-САКЕНА ЛЬВА ЭРНЕСТОВИЧА, ОСТЕН-САКЕН ВАРВАРУ АЛЕКСЕЕВНУ, ОСТЕН-САКЕН

МАКСИМИЛЬЯНА ПЬВОВИЧА по настоящему делу-реабилитировать.

И.о. прокурора отдела прокуратуры Псковской области 5 марта 2001 года А. Пузанов

СОГЛАСЕН:

Начальник отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности старший советник юстиции В.Иванов 5 марта 2001 года

Справка: дело проверено без заявления в соответствии с требованиями Закона РФ от 18.10.1991 года».

В великолукском архиве хранятся подшитые в старых тетрадях протоколы, постановления о выселении помещиков из окрестных имений и из Иванькова, в том числе. Сохранилась и апрельская, 1924 года, запись о выселении - с перечислением членов семьи. Так закончилась история усадьбы Иваньково.

В 1922 г. Остен-Сакен поступил в оркестр Ленинградской государственной филармонии. С 1930 г. Лев Эрнестович – солист-виолончелист «Театра малых форм», преподавал в Музыкальном техникуме им. Римского-Корсакова и Государственной академической капелле (несколько лет заведовал учебной частью).

Остен-Сакен оставил заметный след в развитии музыкального исполнительства Чувашии. Впервые в Чебоксары был приглашён в 1933 г. вместе с другими музыкантами на летний сезон в местный Государственный симфонический оркестр. На постоянную работу в Чувашию устроился в мае 1935 г., уже будучи «высланным лишенцем». Вместе с ним были высланы Варвара Алексеевна и сын Алексей.

Остен-Сакен играл в оркестре (был концертмейстером группы), солировал (исполнял, например, сложнейшие «Вариации на тему рококо» П.И. Чайковского, «Испанскую серенаду», «Песнь трубадура» А.К. Глазунова и другие произведения с оркестром). Преподавал в музыкальной школе и училище. Арестован в Чебоксарах 27 октября 1937 г. как «агент английской разведки» и 22 сентября 1938 г.

приговорён к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1957 году.

Добрую память об Остен-Сакен хранили его ученики - известные в Чувашии музыканты П.Ф. Филиппов, Л.З. Васильев и другие.

Народный артист Чувашии Петр Филиппов вспоминал, что решающую роль в его судьбе сыграл виолончелист Лев Эрнестович Остен-Сакен, у которого Пётр учился с 1935 по 1937 год.

«Это был чудесный, замечательнейший человек, - вспоминал Пётр Филиппович. - Он научил меня не только игре на виолончели, он научил меня жить по чести, научил быть хозяином своего слова, одному из важнейших принципов его жизни, от которого сам никогда не отступал. Лев Эрнестович был выслан из Ленинграда после убийства Кирова. И так уж сложилось, что умереть ему пришлось на чужбине, во времена жестоких сталинских репрессий. А пострадал он лишь за то, что был знатен, культурен и не похож на других. Льва Эрнестовича расстреляли...».

Потерял своего педагога Филиппов перед самыми государственными экзаменами. В 1937-м музыкант успешно окончил техникум и решил поступить в консерваторию. Ленинградскую выбрал потому, что в своё время там учился его учитель Л.Э. Остен-Сакен.

Дважды в Чебоксары приезжала навещать родителей и брата дочь Наталья. Сын Алексей радовал отца успехами — принимал участие в шахматных соревнованиях и однажды даже стал чемпионом Чувашской республики. Вскоре Алексей получил

разрешение вернуться в Ленинград, но через полгода после ареста отца тоже был арестован.

Варвара Алексеевна дожила до 76 лет, пережив расстрел старшего сына Максимилиана в 1925 году и расстрел младшего сына и мужа в 1938 году.

Барские имения... Ушли вы в безвозвратную даль. Мало, что сохранилось от них за годы – столетия. Разве что воспоминания, порой искаженные, да фотографии той поры, донесшие до нас красоту, вкусы владельцев, мастерство строителей...

Закончилась история дворянского рода Алединских. Имена представителей этого рода далеко известны за пределами Псковской губернии, талантливейшие представители своего времени.

Сколько всего талантов дала России Локнянская земля – кто считал? А значит, возможны и новые имена, которыми мы можем гордиться.

Список литературы:

Егерова Н.Н. «Успех вкушаю, поной грудью пью...» (Земля Локнянская. Истoрия в лицах) /Н. Егерова // Восход. – 2004. – 14 сент., 17 сент. Усадьба Иваньково Зыбиных и Остен – Сакен.

Жиркевич – Подлесских Н.Г. Забытые уголки русской Провинции. – Усадьба «Иваньково»: архивы и жизнь. / «Лукоморье.» Гос. Музей – заповедник А.С. Пушкина в Михайловском. Международное Пушкинское об – во Латвии.- Рига. 1995.- № 1

Жиркевич – Подлесских Н.Г., Жиркевич А.В. // Русские писатели 1800 – 1917 г.г. Биографический словарь, Т.2. М., 1992 г.

Жиркевич – Подлесских Н.Г., Остен – Сакен Е.К. // Русские писатели 1800 – 1917 г.г. Биографический словарь, Т.4. М., 1999 г.

Кондратьев М. Барон Остен – Сакен: ложь и прада (Земля Локнянская. Истoрия в лицах. Иваньково). /Орлов В. //Восход,- 2005.- 8 июля,- С. 3.

Письма Е. К. Остен – Сакен А.В. Жиркевичу, 1892 – 1917 г.г.

Содержание

Ведение. Унесённые ветром.....	стр.5
Павел Михайлович.....	стр.8
Александр Павлович.....	стр.10
Дети Алединских.. ..	стр.12
Софья Александровна.....	стр.14
Кирилл Афанасьевич.....	стр.16
Александр Кириллович.....	стр.29
Екатерина Кирилловна.....	стр.20
Эрнест Рудольфович.....	стр.24
Максимилиан Эрнестович.....	стр.29
Лев Эрнестович.....	стр.31
Наталья Львовна.....	стр.33
Последние владельцы Иванькова.....	стр.37
Заключение.....	стр.43
Список литературы.....	стр.44

КРАЙ ОТЕЧЕСКИЙ

История дворянского рода села Иваново

Локнянская центральная районная библиотека
182900 р.п. Локня, Псковская обл., ул. Октябрьская,
д13
Тел.: 8 (81139) 2-17-83